

РОЗАЛИНД МАК-НАЙТ

ПУТЕШЕСТВИЯ ВНЕ ТЕЛА

КОСМИЧЕСКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

СОСРЦЯ

РОЗАЛИНД МАК-НАЙТ

КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Исследования ВТО
с Робертом Монро

УДК 159.96
ББК 88.6
М15

Перевод с английского В. Ковальчук

Мак-Найт Розалинд
М15 **Космические путешествия: Исследования ВТО**
с Робертом Монро / Перев. с англ. —
М.: ООО Издательство «София», 2009. — 352 с.
ISBN 978-5-399-00013-8

«Космические путешествия» — это точное описание сеансов путешествий вне тела, которые Роберт Монро проводил в исследовательской лаборатории Института Монро.

Розалинд Мак-Найт — одна из *Разведчиков* Роберта — описывает свои невероятные путешествия и сообщает нам удивительную информацию, полученную ею от Невидимых Помощников.

УДК 159.96
ББК 88.6

*Original English language edition published
by Hampton Roads Publishing Company.*

Cosmic Journeys.

My Out-Of-Body Explorations with Robert A. Monroe

Copyright © 1999 by Rosalind A. McKnight.

All rights reserved.

© «София», 2009
ISBN 978-5-399-00013-8 © ООО Издательство «София», 2009

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

Я — Больше Чем Физическое Тело

1. Трансформация	12
2. Лаборатория.....	18
3. Разведчики	34
4. Невидимые Помощники	50
5. Общение	64

Поскольку Я — Больше Чем Физическая Материя, Я Могу Воспринимать То, Что Превосходит Физический Мир

6. Больше чем физическая материя	74
7. Я могу воспринимать то, что больше	81
8. Природная иерархия.....	95

Поэтому Я Страстно Желая Расширить, Ощутить, Узнать, Понять, Управлять

9. Расширение: к Луне и космическому кораблю	110
10. Переживание: жизнь после смерти и уровень животных	126
11. Знать: важность знания.....	145
12. Понимание: золотой уровень любви.....	158
13. Управление: пища, которую вы едите.....	168

Использовать Столь Грандиозные Энергии и Энергетические Системы...

14. Грандиозные энергии и энергетические системы...	178
15. Внетелесные энергии	190

16. Внеземные энергетические системы.....	203
17. Вселенная высших энергий.....	231

Также Я Искренне Желая Помощи [и] Мудрости...

18. Целебная помощь.....	250
19. Мудрость и философия Невидимых.....	263

Я Прошу у Них Руководства и Защиты...

20. Основные принципы руководства	284
21. Случай с Патриком.....	300
22. Низшие уровни.....	318

Новые Начинания

23. Путешествие в 3000 год.....	327
24. Уход Ram'a	338

Об авторе.....	346
Благодарности.....	348

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Космические путешествия» — это точное описание сеансов, которые около сорока лет назад начали проводить в исследовательской лаборатории Института Монро. На основе многих полученных на Разведывательных сессиях материалов были разработаны резидентные программы Института, в том числе и всемирно известное «Путешествие через Врата» (*Gateway Voyage*).

Основателем Института Монро был Роберт А. Монро, автор «Путешествий вне тела», «Далеких путешествий» и «Окончательного путешествия»*. Нынешняя работа Института — это результат труда многих людей, которые в течение всех этих основополагающих лет вместе с Бобом исследовали человеческое сознание. В развитии нашего Института, в его поддержке принимали участие многие учителя, психологи, физики, психиатры, инженеры и врачи. Розалинд Мак-Найт принадлежит к числу первых «Разведчиков», посвятивших свое время и пылкий дух исследованиям под руководством Боба и отважившихся сделать шаг в иные, нефизические измерения.

В июле 1985 года Боб сам предложил Розе опубликовать записи полученного ею опыта. Вот что он писал ей тогда:

---

* «София», 1999–2001 и 2008 гг.

Рози, если Вы хотите опубликовать эти материалы в виде отдельной книги, обязательно сделайте это — я от всей души желаю вам успеха и шлю свои благословения. Нас связывает многолетняя дружба. Вы годами всеми силами помогали мне и Институту. И когда мне показалось, что помощь и содействие нужны вам, я постарался быть рядом.

Это теплая, вдохновляющая и увлекательная книга, которая освещает целый ряд вопросов. Глубинный, основательный опыт Розалинд Мак-Найт — источник явленных на этих страницах ясности восприятия и ощущения лежащего за пределами повседневной жизни величия. В способности автора проникать в самую сущность, в ее уникальной выразительности вы ощутите невероятную энергию и увлеченность, присущие поиску *Разведчиков*. В этом изложении вы ощутите глубину пытливого ума Боба и выразительность его души и сердца.

Искренняя благодарность — вот что я испытываю, когда пишу это предисловие. Я глубоко признательна Розе за бесценный вклад в историю Института, за многие Разведывательные сессии — они помогли нам глубже понять человеческое сознание и продолжить его изучение. Это действительно выдающаяся награда за работу Института Монро и самого Роберта Монро.

Боб гордился бы таким описанием и был бы очень признателен за всё, что сделало эту книгу фактом реальности.

Лори А. Монро,
президент Института Монро

ТРАНСФОРМАЦИЯ

В пятницу днем я, как всегда голодная и уставшая, пришла с работы домой. Дома разрывался телефон.

— Где ты была? — спросила Мелисса, моя давняя подруга.

— Я нашла себе подработку, помнишь, я говорила?

— Точно, я забыла. Но я оставила тебе с полдесятка сообщений, чтобы ты мне перезвонила, — ответила она.

— Я только что с работы и не успела еще проверить автоответчик. Что случилось?

— Сегодня в девять утра умер Боб, — проговорила Мелисса так быстро, что я едва разобрала ее слова.

— Какой Боб? — не поняла я.

— Боб Монро! — ответила она с явным недоумением — «Кто же еще?!».

— Бог ты мой, — я опустилась на стул, не веря своим ушам. — Отправился в свое последнее путешествие-вне-тела! Когда поминальная служба?

— В следующую пятницу.

— Значит, так, — пробормотала я, — сегодня семнадцатое марта, служба, получается, двадцать четвертого.

И тут меня осенило.

— Мелисса, ты заметила, что Боб умер в День святого Патрика? — спросила я.

— Я так закрутилась, обзванивая всех, что почти и не заметила Дня святого Патрика, — сказала она.

— Но какое удивительное совпадение: Боб умирает в День св. Патрика, а ведь «Патрик» всегда был его любимым духовным другом!

— Твоя правда, — согласилась Мелисса. — Очевидно, именно Патрик помог Бобу избавиться от страха смерти. По крайней мере, пользы от этой помощи было больше, чем от всех внетелесных путешествий, вместе взятых!

— Спасибо, что дозвонилась мне, Мелисса. Но мне пора. Коты уже сверлят меня голодными глазами. До встречи!

Я повесила трубку и только тут стала постепенно осознавать, что Боба больше нет. Заныло под ложечкой. Я вспомнила мою уверенность в том, что когда Боб закончит свою третью книгу *«Окончательное путешествие»*, то, скорее всего, вернется работать в лабораторию — он очень любил такую работу — и только потом отправится в свое Окончательное путешествие. Но я и представить не могла, что он пустится в путь так скоро, сразу после написания книги. Всего несколько месяцев отделяли дату выхода из печати последней части его трилогии в 1994 году и день 17 марта 1995 года, день смерти Роберта Монро.

На всю следующую неделю мой разум погрузился в «режим воспоминаний»: я невольно вспоминала все новые подробности нашего с Бобом общения.

Мы познакомились двадцать четыре года назад, в 1971 году. Для обоих то был знаковый год: и в его, и в моей жизни случилось много событий, которые в значительной степени преопределили наше будущее. Боб недавно женился на Нэнси Пенн. И только

что опубликовал свою ставшую классической книгу «Путешествия вне тела». Его Уистлфилдскую исследовательскую лабораторию переименовали в «Институт прикладных наук Монро» (теперь это просто Институт Монро).

А через два года после свадьбы мы с Дэвидом Мак-Найтом переехали из Нью-Йорка в Шенандоа-Уолли (Вирджиния), где Дэвид получил место в одном из колледжей Вирджинской ассоциации колледжей. И он, и я родом из Огайо, но познакомились в Нью-Йорке, в Объединенной духовной семинарии, где числились соискателями степени доктора богословия.

Но главным событием 1971 года стало знакомство с Бобом. Итог взаимодействия наших энергий больше похож на какой-то научно-фантастический роман — еще чуть-чуть, и все стало бы слишком странно, чтобы быть правдой. Впрочем, общение с Бобом научило меня, что правда может быть гораздо удивительнее любой выдумки.

Дорога к комплексу Института Монро, занимавшему площадь в двадцать четыре гектара, всегда оказывала на меня невероятно сильное впечатление. Впервые я приехала туда с Бобом и Нэнси. Когда мы забрались на вершину холма, где сейчас расположен тренинг-центр, то просто ахнули. Гряды гор, одна за другой, до самого горизонта — тогда мы увидели это впервые, и на меня повеяло далекой Шангри-Ла. Возвышавшаяся прямо перед нами гора Робертс-Маунтин раньше была частью угодий Робертсов, семьи фермеров. Эти места словно ждали Боба!

В день поминальной службы по Роберту я ехала к Институту Монро, и время для меня повернуло вспять. День был погожий, свежий, с каким-то особым шармом. Недавно установившийся холодный фронт, казалось, сделал голубизну небес совершенно бездон-

ной. Я вышла из машины, и легкий ветер чуть тронул подол моего шелкового платья.

Молодой парень направлял непрерывный поток машин на аккуратную стоянку у Дэвид-Фрэнсис-Холла, одного из главных центров общих собраний Института Монро. Не обращая внимания на указатели, я зашла в Дэвид-Фрэнсис-Холл и спустилась по лестнице, ожидая увидеть заполненный людьми зал. Но, к моему немалому удивлению, тщательно подготовленное для приема помещение оказалось пустым. На стенах висели фотографии, запечатлевшие разные эпизоды жизни Боба и Нэнси, по периметру лежали их личные вещи. При виде огромного фото Боба и Нэнси меня словно током ударило. Вглядываясь в изображение, я вдруг ясно осознала: *этих людей больше нет*. Два года назад я не попала на поминки по Нэнси. Я ощутила в комнате присутствие их мощной энергии, и по моим щекам тихо потекли слезы.

Безмолвную связь с Нэнси и Робертом нарушил прозвучавший за моей спиной голос:

— Поминальная служба на холме, с обратной стороны здания, — сообщила незнакомая мне леди, когда я испуганно повернулась на голос.

— Можете пройти через эти стеклянные двери, — добавила она, махнув рукой в сторону внутреннего дворика. — И если хотите, сделайте запись в гостевой книге прямо сейчас: после службы здесь выстроится большая очередь.

Поблагодарив ее, я прошла сквозь стеклянные двери. Увидела книгу, где уже было несколько записей, и медленно вывела: «Розалинд Мак-Найт — ROMC». ROMC — такой псевдоним присвоил мне Боб. Я была одним из его первых *Разведчиков*. Подписываясь так в последний раз, я ощутила смешанное чувство грусти и гордости.

Я вышла из тени здания, и восхитительный пейзаж загипнотизировал меня снова. Ровными рядами стояли развернутые в сторону гор стулья. Кто-то прохаживался из стороны в сторону, кто-то сидел. Я так глубоко погрузилась в размышления, что даже словом не хотела ни с кем перемолвиться. Увидев свободное место в заднем ряду, я незаметно скользнула туда и села на слегка качнувшийся под моим весом черный металлический стул.

Минут десять я впитывала магию этих мгновений. Затем все умолкло. Вот-вот должна была начаться служба. Взглянув на программу, я прочла: «*Поминальная служба в честь Роберта Аллана Монро, 1915–1995*». На обратной стороне было напечатано «*Торжественное утверждение*» Боба.

Я углубилась в чтение и вздрогнула, когда из стоявшего рядом динамика раздался четкий голос Боба: «Я — не только мое физическое тело...» Это была уже знакомая мне аудиозапись — Боб читал свое заявление. Его речь длилась, и я чувствовала живое присутствие Боба, словно бы окутывавшее всех присутствующих и одновременно парящее в вышине. А эхо его голоса, казалось, доносится до Робертс-Маунтин — и гора становится частью последней молитвы Боба.

Эта звучавшая в исполнении Боба аффирмация всегда была частью его учебных программ — «*Explorer*» и некоторых других. Почти все присутствовавшие здесь, на прославлении жизни Боба, не однажды повторяли эту аффирмацию прежде, как повторяла ее я. Но теперь реальность и мощь этого послания поразили меня до глубины души. Боб, полностью ставший теперь не-только-физическим-телом, придал своему заявлению новый смысл: теперь оно перекликалось с не-только-физической реальностью моего собственного бытия:

Я — не только физическое тело. Во мне есть нечто, кроме физической материи, а значит, я способен чувствовать то, что превосходит материальный мир. Поэтому я изо всех сил стремлюсь развить, испытать, познать, постичь, использовать эти превосходящие энергии и энергетические системы, которые могут оказать благотворное и конструктивное воздействие на меня и на тех, кто идет за мной; я хочу научиться управлять ими. Я искренне хочу добиться помощи, сотрудничества и взаимопонимания от тех существ, чья мудрость, уровень развития и опыт равны моим или превышают их. Я прошу у них руководства и защиты от всего, что может помешать мне достичь желаемого.

Взяв за основу заявление Института Монро, мы начинаем удивительное повествование о невероятных путешествиях, совершенных мной вместе с Робертом Монро во время изучения измерений, лежащих за пределами физической действительности.

ЛАБОРАТОРИЯ

Повернув на Западную 67-ю улицу, я увидела Розмари — она беседовала с комендантом дома, в котором мы уже несколько месяцев снимали квартиру. Я припарковалась во втором ряду (нью-йоркский стиль, да) и Розмари с комендантом принесли к машине мой багаж.

— Я буду скучать по тебе, — сказала Розмари, помогая загружать вещи в автомобиль.

— Мы с Дэвидом тоже будем очень скучать, — ответила я, закрывая багажник. — Последние семь лет этот город хорошо с нами обходился. Но если уж мы переезжаем в Вирджинию, то вряд ли захотим скоро сюда вернуться. Так что это ты приезжай в гости.

— Я бы с удовольствием поехала в Вирджинию, — заметила Розмари, обходя машину. — Вообще-то, там живет мой приятель, которого мне хотелось бы навестить. Он тоже переехал из Нью-Йорка. Все меня покидают!

— Розмари, не заставляй меня чувствовать себя виноватой в том, что я уезжаю, — сказала я, обнимая подругу. — Тебе просто нужно будет оставить Манхэттен и приехать в Вирджинию! Может, я уже встречалась там с твоим приятелем?

— Вряд ли, — ответила Розмари. — Но я уверена, что вам с Дэвидом он понравится. Его зовут Роберт Монро. Почти для всех он просто Боб. Он *очень* необычный. Недавно женился во второй раз, но Нэнси, его новую жену, я еще не видела.

— Вот бы поселиться где-то недалеко от них, ведь в Вирджинии у нас почти нет знакомых, — сказала я, жестами объясняя водителю проезжавшей мимо машины, как лучше объехать мой припаркованный поперек дороги автомобиль. — А где они живут?

— В каком-то Афтоне, это город такой. Но я понятия не имею, где он находится.

Я открыла дверцу и вытащила карту Вирджинии.

— Ничего, позагораживаем проезд еще немного, — хихикнула я, раскладывая карту на капоте.

— Так, смотрим, далеко ли Афтон от Бриджуотера, — пробормотала я, пробегая глазами алфавитный указатель. — Ага, вот он, одна фаланга пальца! О, так это совсем близко. Час езды от Бриджуотера, даже меньше.

— Теперь ясно, — воскликнула Розмари. — Я приеду, ждите!

— Рано или поздно я обязательно приеду! — прокричала она, когда я нажала на педаль газа.

Сворачивая с 67-й улицы на Бродвей и направляясь к туннелю Линкольна, я видела в зеркало, как Розмари машет мне вслед. В последний раз я выезжаю из Манхэттена как жительница Нью-Йорка.

В крохотном Бриджуотере мы прожили недолго и вскоре переехали на Оук-Хилл-Фарм, что в Маунт-Солон, старом предгорном селении. Увидев объявление о сдаче в аренду домика на ферме за сто долларов в месяц, я, привыкшая к нью-йоркским ценам, решила, что это опечатка — или же в этом домике нет ни света, ни окон, ни водопровода!

Когда мы с Дэвидом свернули с шоссе и увидели Оук-Хилл-Фарм, нашему изумлению не было предела. На вершине холма высился элегантный особняк с двухъярусными колоннами и огромным дубом перед фасадом — все южные особняки представлялись мне именно такими. Усадьба на пологом холме, раскинувшаяся почти на гектар, утопала в зелени прекрасных деревьев. Это идиллическое имение на семь лет перешло в наше безраздельное пользование, причем арендная плата так и не превысила сотни долларов. В доме, кстати, были и окна, и свет, и водопровод, а хозяева оказались очень внимательными и заботливыми людьми.

Когда нью-йоркские друзья узнали о нашем новом обретенном деревенском сокровище, к нам повалил поток гостей, и прием друзей надолго стал нашим основным занятием.

Однажды телефон зазвонил в очередной раз, и с другого конца провода донеслось:

— «Рано» наступило. Когда можно к вам приехать? — я с восторгом узнала голос Розмари.

— Гостевая комната всегда к твоим услугам, приезжай в любое время!

— А если я приеду на следующие выходные? — спросила Розмари. — Возьму напрокат машину и приеду.

План Розмари меня восхитил.

— Я сегодня же подробно напишу тебе, как к нам добраться, Розмари!

— Отлично, — сказала она. — А я пока позвоню Бобу и Нэнси Монро и спрошу, можно ли их навестить, пока я буду у вас.

Повесив трубку, я осознала: дефицит общения оказался не меньшим испытанием, чем вся наша адаптация к новой среде обитания. Дружеское общение для нас с Дэвидом очень важно, но за эти несколько про-

веденных в Вирджинии месяцев мы еще не успели как следует раззнакомиться с людьми. В общем-то, мне было довольно одиноко, я чувствовала себя оторванной от мира. И при мысли о том, что у нас появятся новые друзья, разделяющие наши интересы, я чуть не прыгала от радости.

Свежим ноябрьским днем 1971 года Розмари, Дэвид и я впервые приехали в Афтон-Маунтин. Очутившись в поместье Монро — на «Уистлфилдской ферме» — мы прошли мимо сборного домика, обогнули озеро и наконец зашли в главное здание.

Я вышла из машины. Моим глазам открылся такой удивительный и захватывающий вид, что на какое-то время я потеряла всякую связь с реальностью. Гряды возвышающихся до самого горизонта гор — самая заветная моя мечта. Я росла на равнинах центрального Огайо и с самых ранних лет нередко представляла, что низкие облака — это бесконечные горные хребты. Такие картины всегда вызывали во мне ощущение дежавю. И вот здесь, в реальной жизни, я вижу грезившиеся мне горы! В энергиях этого места и времени я ощутила что-то очень необычное, и по спине у меня забегали мурашки. Может, это было предвосхищение того, что это место изменит мою жизнь? Возможно, я предчувствовала, что именно на этой сцене будут разворачиваться главные события моей будущей жизни?

Мы подошли к пешеходной дорожке и увидели на крыльце Боба. По тому, как тепло они обнялись с Розмари, было ясно — это давние друзья. Затем Розмари представила нас. Я никогда не забуду первого впечатления от этого знакомства. Боб обладал редкостным шармом, мгновенно выделявшим его в обществе других людей. Непринужденно, как истинный джентльмен, он придержал дверь, пригласил нас войти и быть как дома.

Мятая одежда Боба сильно контрастировала со сногшибательным внешним видом его жены — Нэнси как раз вышла из кухни, чтобы поприветствовать нас. Раз уж зашла речь об одежде, не могу не сказать, что Боб и Нэнси производили впечатление очень необычной пары. Нэнси — безупречная хозяйка-южанка, а обед, уже ожидавший нас в столовой, превзошел все ожидания от первого нашего вирджинского выхода «в люди».

После обеда мы расположились в гостиной. Взглянув на Розмари, Боб сказал, что вышедшая недавно книга, в которой фигурирует и моя подруга, пользуется неплохим спросом.

Мы с Дэвидом вопросительно посмотрели на них. Посмеиваясь, Боб рассказал, как он познакомился с Розмари.

— Розмари, — сказал он. — Ведь правда, нашу с тобой встречу можно вносить в «Книгу рекордов Гиннеса» как самое необычное знакомство?

— Абсолютная правда, Боб. Но у меня и в мыслях не было сидеть у тебя на коленях, когда ты первый раз ко мне явился! — воскликнула Розмари с напускным гневом. — Я просто забыла, что тот стул предназначался тебе.

— Что за манера принимать так незнакомых людей! — продолжал Боб дразнить Розмари. — Впрочем, очень хорошо, что ты уселась тогда на мои невидимые колени, ведь это придало достоверности моему рассказу о посещении твоей квартиры. В общем-то, это был один из самых успешных и забавных моих экспериментов. Так ты и заняла свое место в «Путешествиях вне тела!»

— Я просто чуть с ума не сошла, Боб, — сказала Розмари, зардевшись, — когда ты позвонил потом и подробно описал мою квартиру, рассказал, сколько нас было, где кто сидел, как каждый был одет, да еще

добавил, что я работаю в больнице для онкобольных — и что я на тебя села!

Боб протянул руку к журнальному столику и взял книгу, которая вскоре стала классической книгой о внетелесных путешествиях. Поставив автограф, он подошел к Розмари и вручил ей книгу.

— Даже если у тебя уже есть один экземпляр, я хочу, чтобы и от меня томик был. Он твой по праву. Еще раз спасибо за то, что согласилась предоставить для эксперимента свою квартиру и что пригласила туда знакомых. С твоей стороны это был смелый поступок, ведь, когда эксперимент планировался, мы с тобой даже знакомы не были.

— Спасибо, Боб. Было очень приятно наконец-то увидеть тебя в-твоем-теле! — ответила Розмари. — Твоя дружба всегда значила для меня очень много. Когда я прочла описание эксперимента и узнала, что все это войдет в твою книгу, то немного смутилась: стало слегка не по себе, что моя ветреность увековечена в типографии и дойдет до потомков. Тем не менее мне всегда хотелось спросить, Боб: что ты чувствовал, когда я на тебя села?

Тут мы расхохотались.

— Ну, твой поступок, конечно, придал эксперименту весомости, — смеялся Боб.

Очарованный беседой, Дэвид спросил у Боба, когда тот начал путешествовать вне тела.

— «Выходить» из тела я начал осенью 1958 года, — ответил Боб. — Могу добавить, что для достижения такого эффекта я не использовал ни наркотики, ни алкоголь.

— А были у вас другие такие же удивительные случаи, как с Розмари? — допытывался Дэвид.

— Вся книга только из них и состоит, — сказал Боб. — Но страшнее всего мне было очутиться в теле,

которое лежало в гробу, — в том доме шли поминки. И можете поверить мне на слово, я не остался на этих поминках! Я даже не оглянулся, чтобы посмотреть, чье это было тело.

Когда-то это происшествие, видно, сильно напугало Боба, но теперь он дистанцировался от него и мог рассказывать обо всем в шутовском тоне.

— Всё, больше ничего не скажу, — заметил Боб, и мы снова рассмеялись. — Придется вам покупать книгу, Дэвид. А то у меня уже не осталось ни одного экземпляра. Когда мы приносим сюда книги, они исчезают с такой же скоростью, с какой я покидаю свое тело. Вы живете с той стороны горы, так почему бы вам не заказать книжку в своем книжном? Мое издательство — «*Doubleday*».

— В понедельник закажу, — ответил Дэвид, делая пометку в своем блокноте.

— Но вы ведь можете в общих чертах рассказать, чем занимаетесь здесь, в Уистлфилде? — спросил он потом, кладя блокнот в карман рубашки.

— Разумеется, — охотно ответил Боб. — Недавно наши Уистлфилдские исследовательские лаборатории стали называться «Институтом прикладных наук Монро». Если хотите узнать, что именно мы делаем, то лучше всего самому прийти к нам в лабораторию, мы вас тоже задействуем в работе, и вы на себе почувствуете, чем мы занимаемся.

Возможность собственными глазами увидеть, чем занимается Боб, так нас воодушевила, что Розмари вызвалась в январе снова приехать в Вирджинию. И мы наметили, когда именно посетим лабораторию. К нашей с Дэвидом радости, в середине января Розмари действительно приехала. В Уистлфилде мы припарковали машину на стоянке у сборного домика, мимо которого прошли в прошлый раз. Тогда мы даже

не подозревали, что это и есть первая лаборатория Института прикладных наук Монро, которая вскоре получит мировое признание.

Боб встретил нас у входа и сразу повел показывать свои владения. Дизайн и внутренняя планировка домика больше напоминали уютный лыжный курорт. Боб провел нас через гостиную с винтовой лестницей, поднимавшейся на верхний этаж, где располагалась институтская библиотека, провел по коридору мимо кухни и офисов прямо в лабораторию.

Когда мы шли по коридору в «Аппаратную» — так назвал это помещение Боб, — я почувствовала вокруг какую-то перемену. Везде словно звоночки звенели. Всё вокруг было пронизано очень необычной энергией. Ни понять, ни проанализировать свои ощущения я не могла. Мы шли по коридору, и я чувствовала, что воздух вокруг наэлектризован.

По дороге Боб показал нам три экспериментальные кабинки, и мы не преминули в них заглянуть. Он не остановился и не объяснил их назначение — казалось, ему не терпится попасть в Аппаратную. Мы не отставали, шли за ним, как за тем дудочником.

Я слегка задержалась в конце процессии, и когда наконец попала в Аппаратную, Боб уже сидел в своем кресле и вертел какие-то ручки-рычаги. Перед глазами у меня тут же возникла сцена из «Звездного пути». Я замерла в благоговении, и если бы в тот миг Боб объявил, что «Звездолет Монро» готов к старту, я бы, и глазом не моргнув, отправилась вместе с ним — более того, я стала бы одним из самых энергичных энтузиастов на борту!

Боб щелкал переключателями и нажимал какие-то кнопки, будто и вправду собрался взлетать, а я внимательно наблюдала за его мимикой. Я была просто очарована и даже удивилась, когда он вдруг повернулся

к нам и спросил, кто хочет пройти сеанс в одной из экспериментальных кабинок. Все охотно огласились.

— Боб, а эти кабинки как-то называются? — спросила я в коридоре.

— Да, называются *CHEC Units*, — ответил Боб.

— А что это такое, «CHEC»? — поинтересовалась я.

— Управляемые Камеры с Оптимальной Средой (*Controlled Holistic Environmental Chamber*), — объяснил Боб.

— Мне кажется, так называется помещение, изолированное от любого постороннего воздействия, — пробормотал Дэвид.

— Совершенно верно, — сказал Боб, жестом приглашая нас войти в камеры.

Когда мы исследовали водяные матрасы, на которых предстояло лежать, Боб с кем-то поздоровался в коридоре. Как нельзя кстати, мимо проходил один из ассистентов. Боб попросил его установить необходимые для эксперимента датчики, а сам направился в Аппаратную.

Сидя на краю своего водяного ложа, я услышала, как ассистент что-то сказал Дэвиду и закрыл дверь его кабинки. Потом помощник Боба подошел к моей все еще открытой двери, и я легкомысленно подумала: может, они, как в старом добром «Звездном пути», переправят нас в другое измерение. Я даже представить не могла, как близко к истине оказалась моя догадка в тот торжественный момент, когда меня впервые привели в *CHEC Unit -2*.

Я приготовилась лечь. Лаборант попросил меня разуться, чтобы прикрепить электроды к пальцам моей левой ноги. То же самое он проделал и со средним пальцем левой руки. Затем завел электроды мне за уши. Я сделала мысленную зарубку: не забыть спро-

силь у Боба, зачем нужны все эти провода, — спросить, когда (и если) мы выберемся из этих жутких кабинок. Незнакомое переживание может вызвать у человека страх, и я тоже не была лишена этого не всегда уместного врожденного механизма, предназначенного природой беречь нас от неприятностей.

Лаборант надел на меня наушники и попросил лечь на водяной матрас. Укрепил микрофон напротив моих губ. Мне стало интересно, как быть, если кто-то крикнет «Пожар!», а я в этих электродах да еще в звуконепропускаемой комнате. Несмотря на все страхи и прикрепленное к моему телу оборудование, мне все же удалось расслабиться. Лаборант вышел, притворив за собой дверь и оставив меня одну в крошечной темноте тихой комнаты.

Я лежала и не без тревоги ждала, что будет дальше. В правом наушнике послышался голос Боба:

— Сейчас вы слышите меня правым ухом. Если звук идет в левое ухо, то поменяйте наушники местами, пожалуйста.

С моими наушниками все было в порядке.

С каждой минутой я расслаблялась все больше, и в какой-то миг до моего слуха донесся мягкий шум океанского прибоя — прямо у меня в голове ударились о берег и откатывались назад океанские волны. Очень необычное, прежде совсем знакомое чувство. Движение ощущалось все отчетливее — в моей голове словно бы прокручивались замедленные кадры теннисного матча.

Постепенно энергетическое движение сошло на нет, и я погрузилась в состояние глубокого покоя. Успокаивающий голос Боба и опьяняющие звуки творили с моей нервной системой что-то невероятное. Я несколько дней только и делала, что развлекала нашу нью-йоркскую гостью, и теперь каждая клеточка

моего тела просто упивалась этой возможностью расслабиться.

Следующее воспоминание — это голос Боба:

— А сейчас вы опять здесь, сон как рукой сняло, вы бодры и полны энергии.

Несколько секунд я не могла понять, где я. А когда поняла, подумала: господи, я ведь провалила свой первый эксперимент!

Затем Боб сказал, что из *СНЕС Units* можно выйти в любое время, но лучше не спешить. И я полностью доверилась Бобу. Даже не знаю, сколько времени я там пролежала. Я думала о том, что никогда прежде мое тело так не расслаблялось. Я не знала точно, что за звуки я слышала, но моему телу они явно понравились.

Когда я выбралась из *СНЕС Unit*, вся команда Боба собралась в противоположном конце здания на кофе. Я услышала смех и пошла на звук. Когда я зашла в гостиную, мои компаньоны по эксперименту, Дэвид и Розмари, увлеченно рассказывали о пережитых ощущениях. А Боб кивал в такт, словно говоря: «Да, это типичная картина, типичные ощущения».

Дэвид опередил мой вопрос и сам спросил у Боба, что показывали подсоединенные к нам электроды.

Глядя на Дэвида, Боб поддразнил его:

— Ну-ка, проверим вашу сообразительность.

— Пожалуйста, проверяйте.

— Что такое аппарат ЭЭГ?

— Аппарат, регистрирующий мозговые волны? — спросил Дэвид.

— Конечно, мозг каждого из нас излучает определенные комбинации электрических сигналов, — ответил Боб. — Я могу взглянуть на ЭЭГ и тут же сказать, что сообщает ваш мозг об активности вашего тела. А вот что такое аппарат ЭМГ, вы не знаете, готов поспорить.

— Осторожно, Боб, — вмешалась я. — Вы спорите с человеком, с отличием окончившим Гарвард и специализирующимся на психологии. Не может быть, чтобы он забыл всё, чему с таким трудом научился.

Я заметила в глазах Боба огонек; этот человек всегда уважительно относился к университетским дипломам.

— В общем-то я понтия не имею, что такое ЭМГ, — быстро ответил Дэвид.

Голосом, в котором проскакивали нотки «Ага, попался», Боб поведал, что ЭМГ — это аппарат, измеряющий частоту пульса и электрический заряд организма. Затем, повернувшись ко мне, Боб добавил:

— Приборы ясно показали, что вы крепко спали.

Его слова ошарашили меня и сильно смутили. Я думала, что, если никому не признаюсь, что заснула на эксперименте, никто ничего и не узнает. К лицу резко прилила кровь. Мне нужна была какая-нибудь отговорка, кроме усталости, и я ответила:

— Но, Боб, это всё из-за тех сумасшедших звуков, которые вы мне включили. В моей голове никто еще не играл в теннис. Скажите, ради бога, что это было?

С довольным видом Боб заметил, что я задала очень правильный вопрос.

— Я экспериментировал с новыми звуками, помогающими человеку не заснуть, — сказал он.

— Меня они совершенно обескуражили, — проговорила я.

— Я еще не определился с уровнями и частотами, — продолжал Боб, — и было бы славно, если бы вы пришли сюда снова — из вас получится хороший подопытный. Мне бы хотелось провести с вами несколько сеансов.

— Я бы с удовольствием пришла. Ведь мы с Дэвидом решили, что я пока остаюсь дома, — он работает, а я «на содержании».

Последний раз я могла себе такое позволить, только когда меня поддерживал отец.

— Теперь у меня есть время, и я бы с радостью сюда приходила, и даже регулярно, — сказала я под общее хихиканье.

Дэвид кивнул — он был рад, что нашлось занятие, которое и из дому меня выманит, и поможет разрешить трудности.

А Боб всё рассказывал о своих исследованиях.

— Звуки, которые вы слышали, объясняются стимуляцией стереофонических ритмов, вызывающей Отклик на Ведущую Частоту (ОВЧ). Под воздействием таких звуков человек долгое время находится в особом состоянии между сном и бодрствованием.

— Но как это происходит? — спросил Дэвид.

— Управляя частотой мозговых волн, — пояснил Боб, — мы можем помочь человеку расслабиться, остаться в бодрствующем состоянии или заснуть. Я настраиваю высоту и частоту звука, слежу за показаниями приборов — на всё это уходят сотни часов. И мне всегда нужны добровольцы, согласные помогать развивать и совершенствовать эту звуковую систему.

Бросив взгляд на меня, Дэвид сказал:

— Из нее получится бесценный доброволец, Боб, ведь она обожает спать! Если вы сможете обнаружить такие звуки, которые расслабляли бы ее тело, а разум заставляли бодрствовать, то, возможно, окажетесь на пороге серьезного открытия!

— Именно этого мы и добиваемся, Господин-С-Отличием. Как вы догадались?

— Какие догадки, обыкновенная логика, — ответил Дэвид, подражая дразнящим интонациям Боба.

Рассказывая дальше, Боб оживился еще больше.

— С вашего позволения, я подробнее остановлюсь на открытиях, касающихся нашей звуковой системы

ОВЧ. С помощью наушников мы изолируем одно ухо от другого. Когда в каждое ухо поступают разные звуковые импульсы, полушария мозга действуют в унисон — то есть «слышат» третий сигнал, который является разницей между двумя исходными звуковыми импульсами. Скажем, если одно ухо слышит звук на частоте 440 герц, а другое — на частоте 434, то мозг в целом начнет вырабатывать сигнал частотой шесть колебаний в секунду — это и будет разница между 440 и 434.

— «Герц» — это колебание в секунду? — пробормотала я, изо всех сил пытаюсь понять услышанное.

— Именно, — продолжал Боб, — но это не тот настоящий звук. Это электрический сигнал, и он возникает лишь тогда, когда оба полушария функционируют вместе. Полушария синхронизируются, и этот процесс мы называем «*Hemi-Sync*» (сокращение от *hemispheric synchronization*, «синхронизация работы полушарий мозга»). Мозг может освоить состояние *Hemi-Sync*, а затем в любое время восстанавливать его по памяти. Когда мы бодрствуем, полушария мозга, как правило, не синхронизированы; они работают вразнобой. Таким образом, *Hemi-Sync* словно вводит в мозг новую программу, помогающую полушариям функционировать синхронно.

— А эти, как вы говорите, стереофонические ритмы, они в природе вообще встречаются? — спросила Розмари.

— Как правило, нет, — сказал Боб. — По крайней мере, не часто, ведь непрерывные звуки чистого тона в природе очень редки. Но таких ритмов очень много в разного рода механизмах. Розмари, я уверен, вам приходилось летать на самолетах, правда?

— О да, — ответила Розмари. — Я недавно вернулась из Египта.

— У вас когда-нибудь появлялось некое странное ощущение под ложечкой, когда пилот включал реактивные двигатели?

— Да, оно всегда появляется, — кивнула головой Розмари.

— Видите ли, — сказал Боб, — когда реактивные двигатели самолета работают с разной скоростью, они могут производить очень сильный ритм, который ощущается где-то под ложечкой.

— О, для меня это утешение, — вздохнула Розмари. — Раньше я думала, что просто боюсь летать. Я даже не понимала, отчего у меня в животе появляется это ощущение.

— Если в доме или квартире имеются два работающих на разных скоростях вентилятора, они тоже могут вызвать эффект *Hemi-Sync*, — добавил Боб. — Неуправляемые ритмы на разных частотах, если речь идет о перенаселенных территориях, вполне могут стать причиной множества стрессов. Потому-то я и окунулся в эти исследования. Мне не терпится отыскать звуки *Hemi-Sync*, способствующие человеческому развитию и реализации естественного потенциала. Если точно определить частоту, ритмы можно поставить себе на службу.

Тут Боба перебил Дэвид — он очень заинтересовался услышанным:

— Значит, новый сигнал частотой в шесть герц, или шесть колебаний в секунду, создает новую форму мозговых волн?

— Совершенно верно, — кивнул Боб.

— А можно ли изменить состояние сознания, просто изменив звуки?

— Конечно, — сказал Боб. — Люди годами не выходят из ашрамов, обучаясь там медитировать. Но с помощью процесса *Hemi-Sync* мы за несколько минут

можем погрузить человека в такое же медитативное состояние.

— Боб, — спросила я, — вот звуки приходят и уходят — но какие колебания заставляют меня чувствовать, что в моей голове кто-то медленно играет в теннис?

— Такое бывает, когда биения очень нечастые, — ответил Боб. — Если частота меньше трех герц, человеку кажется, будто звуки то появляются, то исчезают — точно так, как ты выразилась.

— Потрясающе, — сказала я. — И как чудесно, Боб, что мы посетили вас в самом начале исследований. Кто знает, к чему это все может привести?

Боб улыбнулся, потом подошел и пожал мне руку.

— Я рад, что вы в моей команде, Роза. Возможно, мы будем общаться долгое время. Впереди столько работы.

— Когда же мы начнем? — спросила я.

— Начало регулярной совместной работы придется отложить до весны, — сказал Боб. — Меня пригласили в Исален, в Биг-Суре, штат Калифорния. Я проведу там недельный семинар с использованием наших новых методов и техник. И сейчас мы готовимся к этому семинару. Прежде мы ничего подобного не делали. Семинар будет в марте, так что позвоните мне первого апреля.

По дороге домой я с трудом привела в порядок растрепанные мысли. Тогда я еще не знала, во что впуталась. Или лучше сказать, что я не знала, *из чего* выпутываюсь?

РАЗВЕДЧИКИ

Мой первый апрель в Вирджинии был каким-то фантастическим. В один из дней я заехала на самый верх Афтон-Маунтин и начала было спускаться к лаборатории Монро, но около знака «Смотровая площадка» моя нога сама нажала на педаль тормоза. Припарковав машину на смотровой площадке, я подумала, не ущипнуть ли себя, чтобы убедиться, что я жива и по-прежнему пребываю в своем физическом теле. Меня окружала такая красота, что на долю секунды я даже усомнилась: может, я умерла и попала на небо?

Я вышла из машины и ступила на каменную подпорную стену. В голове звучала песенка «В ясный день ты увидишь вечность». Километры холмов, долин, миниатюрных домиков, вьющихся серпантинном дорог, цветущих деревьев широким веером тянулись от моих застывших ног до самого горизонта, шепча миру послания красоты и радости.

Исследования, разведывание нового — врожденная склонность моей натуры. Путешествия и прочие приключения всегда интересовали меня больше всего остального. Когда наша семья из восьми человек переселилась на Айхельбергер-авеню (Дейтон, Огайо), мне было пять лет. И первым делом я забралась на самый